

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ПОНЯТИИ ЗАКОНА

*Работа представлена межвузовским центром по религиоведению
Университета технологии и дизайна.*

Статья посвящена выявлению взаимосвязи божественного и человеческого (правового) закона и их влиянию на развитие цивилизаций. В рамках этой взаимосвязи рассматривается характер и типы взаимоотношений религиозной и светской власти на историческом опыте христианской церкви, в том числе и РПЦ.

***Ключевые слова:** церковная власть, мирская власть, закон, церковь, Бог, культ, симфония.*

A. Shvechikov

PROBLEM OF CORRELATION OF THE DIVINE AND HUMAN IN THE TERM “LAW”

The article is dedicated to exposing of the interconnection of divine and human (juridical) law and their influence on civilizations' development. The character and types of relations between religious and secular power in the historical experience of the Christian church, including the Russian Orthodox Church, are also examined.

***Key words:** church power, secular power, law, church, God, cult, symphony.*

Современный мир многолик и противоречив. Многовековому господству западной цивилизации в мире приходит конец. Охвативший западный мир экономический, идеологический и политический кризис говорит о том, что капиталистическая система выработала свой ресурс и подходит к бесславному концу.

Сегодня Восток набирает силу, а Запад утрачивает свое прежнее влияние на судьбы человечества. Если Запад строил и продолжает строить свою общественную и частную жизнь на основе правовых законов, то Восток сегодня строит ее прежде всего на основе собственной духовной традиции или же (как

ислам) на основе божественного Закона. Стоящая между Западом и Востоком современная Россия пока мечется между ними и никак не может определиться, с кем ей идти: с расхристианенным Западом или с набирающим духовную, экономическую, политическую и военную силу Востоком, или же, наконец, идти своим путем. От выбора, по каким законам, Божеским или человеческим, нам жить и по какому пути идти зависит будущее России, судьба ее народа. Поскольку выбор между Законом Божьим и законом человеческим всегда был судьбоносным, есть необходимость обратиться к историческому и духовному опыту человечества, а также к опыту и традиции собственного народа.

Традицию жизни прежде по законам Бога, а затем уже человека закладывали *древние египтяне*, хотя никаких заветов с Богом (богами) они не заключали, ибо почитали подобный Завет кощунством в отношении Бога, поскольку он предполагал ответственность не только человека перед Богом, но и Бога перед человеком, т. е. делал Бога подотчетным человеку. Это в сознании египтянина, независимо от того, был ли он феллахом или жрецом, было делом не допустимым, оскорбляющим Бога (богов). Поэтому для египтянина в отношениях Бога и человека речь могла идти только о безусловном подчинении человека воле Бога.

О Законе человеческом речь вообще не шла и отчитывался смертный человек не перед земным, а небесным судом. И отчет этот был очень не легким. Ни одна религиозная система древности и античности не оставила такого основательного кодекса земной жизни человека, как египетская. 25-я глава «Книги мертвых» (Св. Писания Египетской религии) повествует о том, что в своей земной жизни египтянин не должен был: допускать греховных деяний и мыслей, насилия и грабежа, красть, убивать, лгать, произносить проклятия, прелюбодействовать, доводить других до слез, покушаться на чужую собственность, клеветать, осквернять себя, преступать

закон, быть глухим к правде, возбуждать раздор между людьми, лезть в чужие дела, повышать голос, мошенничать, сквернословить, заниматься праздной болтовней [1, с. 279–281].

Мы не знаем достоверно, в какой мере исполнялись в реальной жизни перечисленные требования (заповеди Бога) к свободному человеку этой цивилизации, но мы теперь точно знаем, что они были и их бытие неизбежно воздействовало на египтян, их поведение, их жизненную позицию, их смыслообразующие жизненные ценности, под знаком которых жил египтянин. Он знал и понимал, что суд Осириса неотвратим, что в случае нарушения им божественных заповедей он лишит свою душу бессмертия. Спасти же ее и обессмертить было главным смыслом земной жизни египтянина.

Египетская религиозность не прошла бесследно – она стала предтечей *иудаизма*, а через него и христианства.

Заслуга евреев состоит в том что они очистили религию от многобожия и сотворили монотеизм. Они первые разделили закон на Закон божественный и человеческий. Они первыми заключили Завет с Богом и взяли на себя обязательство жить по этому Завету. На горе Синай Господь вручил Моисею «Каменные скрижали» с десятью заповедями. И назвал ему те законы, которые должны определять повседневный порядок жизни иудеев: «Вот законы, которые ты объявишь им» [Быт. 21,1] (т. е. народу Израиля) – повелел Бог Моисею. Они перечислены в главах 21–23 книги Бытия.

Однако народ Израиля допускал постоянные отступления от Закона, предавал своего Бога и служил другим богам.

Возмущение Бога лицемерием и вероотступничеством народа Израилева довел до ушей этого народа пророк Исая. Вместо благодарности за заботу о будущем своего народа и попыток пророка спасти предающий Бога народ от угрожающего ему гнева Господня и расплаты за свое беззаконие, этого пламенного пророка третируют и преследуют, а затем по приказу царя Иудеи Мана-

сии живого пророка привязывают между двумя досками и перепиливают пилой.

Проходит еще около ста лет. Теперь уже Бог говорит с иудеями через пророка Иеремию. Через него Бог предупреждает народ иудейский: «И произнесу над ними суды Мои за все беззакония их, за то, что они оставили Меня, и воскурили фимиам чужеземным богам, и поклонились делам рук своих» [Иер. 1, 16]. За это, предупреждает Господь, «Я еще буду судиться с вами» [Иер. 2, 9].

Вообще для ветхозаветной истории иудаизма характерно то, что, несмотря на заключенный с Богом Завет, шло глухое или открытое сопротивление букве слова Божия, Его Заповедям. Это сопротивление, в конце концов, вылилось в фарисейскую формулу: «Закон для народа, а не народ для Закона».

Христос дал уничтожающую критику фарисейства за то, что оно пытается подогнать Закон Бога под повседневные потребности человека, что оно выхолащивает истинную веру, ибо переводит ее в сферу только внешних форм, оно лицемерит, потому что на словах выступает за соблюдение Закона Божия, а живет по Закону человеческому, т. е. превращает глубину Закона в поверхностность законничества.

Продолжателями дела фарисеев стали римляне – новоявленные сторонники закона человеческого. Они не только поддержали фарисейскую формулу о том, что «не народ для Закона, а Закон для народа», но и пошли дальше. Они растворили Закон Божий в законе человеческом. Как истинные фарисеи, они поменяли местами Закон Божий и закон человеческий. Они поставили всю религиозную жизнь сначала республики, а затем и империи под полный контроль мирского закона. Они решением Сената утверждали состав пантеона римских богов. Глава римского жречества, Верховный понтифик, не мог принять ни одного серьезного решения в религиозной сфере, не получив на это разрешение Сената. По воле государства строились и именовались храмы, утверждались и проводились религиозные

празднества и ауспиции. Государство определяло правильность или неправильность религиозной веры.

Пленение религии государством, постановка государственного закона выше закона Божественного привели к тяжелым последствиям – превращению религии в совершенно внешний акт, в фактическое суеверие. «Каждый момент его (римлянина. – А. Ш.) обыденной жизни, – писал Фустель де Куланж, – обряд; весь день его принадлежит религии. Утром и вечером он молится очагу, пенатам, предкам; выходя из дома и возвращаясь в дом, он также возносит им молитвы. Каждая трапеза – религиозный акт, в котором принимают участие и домашние божества. Рождение, принятие в семью, совершеннолетие, свадьба, а также годовщина этих событий – все это торжественные религиозные обряды» [4, с. 326].

Отчего такая «набожность» охватила римское общество, почему римлянин придает такое значение внешней стороне культа? Прежде всего, потому, что он (культ) предписан государственным законом. А закон для римлянина превыше всего, в том числе и Бога (богов). Закон свят и нерушим. Римлянин может сомневаться в реальности или силе того или иного бога, но он не может сомневаться в букве Закона. Поэтому римлянин был религиозен не по причине его внутреннего позыва, внутреннего религиозного душевного чувства, а потому, что так требует закон, который должен буквально исполняться каждым римским гражданином.

Римская религиозность породила *два основных негативных явления*: идею превосходства мирского закона над Законом Бога и политизацию религии, что привело к выхолащиванию внутреннего содержания религии и формализму религиозной веры, проявляющейся лишь во внешних формах.

Анализ содержания и смысла религиозной веры в Древнем Египте, Иудее и Древнем Риме позволяет говорить о том, что в средиземноморском регионе мира

сформировались и развились два основных направления религиозного движения, которые условно можно назвать *египетским* и *римским*.

Два эти направления нашли свое продолжение в христианстве, разделившемся на Западную и Восточную церкви. Если западное христианство продолжало римскую религиозную традицию и унаследовало ее основные черты – политизацию и законничество, то Восточное христианство, тяготея больше к египетскому направлению, постаралось избегать крайностей фарисейства (законничества) и политизации религиозного движения. Восточное христианство с самого начала провозгласило неизменную преданность и верность Закону Божьему, что и дало ему право называться Православием. Что касается вопроса политизации религии, то ответом Православия на него была известная заповедь Иисуса Христа: «...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» [Мф. 22, 21]. Эта заповедь фактически не допускала, с одной стороны, превращения религии из духовной в политическую силу и не допускала религию к участию в борьбе за политическую власть, а с другой – она отвергала попытки государства подчинить религию своей власти и сделать ее политическим орудием в своих руках.

К сожалению, западная Церковь уже на раннем этапе своего развития стала отходить от этой заповеди Христа и попыталась превратить себя не только в главную духовную, но и политическую силу общества, опираясь в этом своем стремлении не на Христову заповедь, а на исторический опыт бесславно погибшей Римской империи.

Фактически на весь период Средневековья установилась безраздельная власть папы над всеми основными сферами жизни западного общества. Если древнеримские императоры «приватизировали» церковную власть, то в эпоху средних веков церковь таким же образом «приватизировала» светскую власть. Она объявила свою власть безраздельной и всеохватной.

Безусловное господство Католической церкви в основных сферах жизни западных

стран в эпоху Средневековья закончилось религиозной Реформацией, приведшей к церковному расколу, а в последующем и к отделению церкви от государства, т. е. фактической ее изоляции и устранению от участия в решении судьбоносных вопросов жизни общества.

Трагический религиозный опыт Западной христианской церкви показал, насколько опасна для веры подмена Закона Божьего законом человеческим, насколько опасно и неприемлемо использование религии в качестве инструмента политической борьбы.

Развивающаяся параллельно Западной, Византийская цивилизация, ее светская и церковная власти пошли по другому пути устройства своих взаимоотношений. Исходя из Иисусова принципа разделения властей, Византия породила и утвердила принцип *симфонии*. Основы этого принципа были заложены уже первым Византийским императором Константином, который объявил себя «епископом внешних дел» Церкви Христовой. Законодательно этот принцип был закреплен императором Юстинианом в VI в. в так называемой «Шестой новелле» – законодательном кодексе Юстиниана, вступившем в силу в 529 г. Кодекс определял, что церковные законы имеют такую же силу, как и государственные, и то, что было запрещено и дозволено первыми, то должно быть запрещено и дозволено вторыми. Кодекс во взаимоотношениях церкви и государства исходил из принципа разделения властей и их братского сотрудничества. Согласно этому принципу (симфонии) государство было обязано заниматься внешней стороной жизни граждан, а церковь – жизнью внутренней, духовной и нравственной. Каждый должен был прежде всего решать свои вопросы, пути их решения должны были согласовываться властями друг с другом. Ни та, ни другая власть не имела морального и юридического права выходить за рамки своих полномочий и вмешиваться в деятельность другой стороны. Обе ветви власти были обязаны поддерживать между собой гармоничные отношения. Византийские патриархи в абсолютном большинстве стремились к под-

держанию таких симфонических отношений властей. Признавали и соблюдали этот принцип и большинство византийских императоров [6, с. 152].

Византия, таким образом, показала христианскому миру наглядный пример реального, продуктивного соработничества духовной и светской власти в христианском обществе.

Киевская Русь, приняв в 988 г. христианство от Византии в форме Православия, использовала ее опыт в устройении церковно-государственных отношений. Основы в использовании этого опыта были заложены Крестителем Руси Киевским князем Владимиром, который явил своим будущим потомкам – правителям Руси пример любовного сотрудничества царской и церковной властей. Об этом сообщает нам первый православный писатель русской земли митрополит Киевский Илларион.

В своем выдающемся литературно-богословском труде «Слово о Законе и Благодати» он писал, обращаясь к памяти князя Владимира:

«О, подобный Великому Константину, равноумный, равнохристолюбивый, равночтящий служителей Его! Он со святыми отцами Никейского собора закон людям устанавливал, ты же, с новыми нашими отцами епископами сходясь часто, с глубоким смирением совещаешься, как в людях этих, новопознавших Господа закон уставить» [5, с. 91].

Мы не можем не обратить внимание на слова Иллариона о том, что Владимир, который часто встречался с отцами церкви, с глубоким смирением слушал их советы. Таким образом, принцип симфонии заработал и на русской земле. Традиции поддержания заинтересованного соработничества церковной и государственной власти, заложенные князем Владимиром, продолжались и поддерживались Киевской, Владимирской и Московской Русью.

Это уважительное и добровольное соработничество проявлялось в отношении киевских князей к святому Феодосию Печерскому в том, что они не принимали важных решений без совета с этим великим старцем.

Эти отношения просматриваются в деяниях Владимира Мономаха и Андрея Боголюбского. В Московском княжестве они начинаются с личной дружбы митрополита Петра и князя Ивана Калиты. Эта традиция дружбы и соработничества княжеской и митрополичьей власти продолжается в отношениях митрополита Московского Алексея и князя Дмитрия Донского, митрополита Макария и Ивана Грозного. Высшей точкой симфонических отношений властей в Московском Царстве стало соработничество патриарха Никона и царя Алексея Михайловича в период до церковного раскола.

Раскол нанес смертельный удар по симфонии властей.

Он показал, что к торжеству принципа симфонии в реальной жизни московская правящая элита этого времени оказалась не готовой ни духовно, ни нравственно. Она фактически похоронила этот принцип.

Последовавшая за этим петровская религиозная реформа нанесла непоправимый вред церковно-государственным отношениям в России, которые привели к деформации магистрального пути развития. Они знаменовали отказ от христианского принципа разделения властей, ибо церковь в петровской России фактически была «пленена» государством и превращена в один из органов государственного аппарата. Она лишилась Патриаршего престола. Главой Русской Православной Церкви (РПЦ) был провозглашен самодержец-император, а его непосредственным помощником по церковным делам стал государственный чиновник – обер-прокурор священного Синода – органа управления делами Церкви. Церкви предстояло работать в условиях жесткого государственного контроля.

Это новое, бесправное положение РПЦ было законодательно закреплено в так называемом «духовном Регламенте», принятом в 1721 г., который официально был назван «Регламентом или Уставом духовной коллегии».

Отныне российские самодержцы становились главой не только государства, но и церкви. Она стала их вотчиной и они делали

с ней, что хотели. Поскольку Православная Церковь была полностью отдана в руки царской власти, ни о какой симфонии властей не могло быть и речи. Плененная церковь, как и всякий пленник, была поражена в правах, ограничена в свободе мысли и действия, подчинена чужой воле, лишена инициативы, подотчетна «хозяину» и т. д.

Двести лет пребывания в этом плену невозможно назвать благом для РПЦ.

Произошедшая в 1917 г. социалистическая революция поставила Русскую Православную Церковь на грань полного уничтожения, поскольку новая революционная власть провозгласила построение безрелигиозного общества. Указом новой власти Церковь была отделена от государства, а школа от Церкви. Религия была провозглашена контрреволюционной силой, мешающей прогрессу общества и формированию коммунистического сознания.

Начались массовые репрессии против церковнослужителей, разгром храмов и монастырей с последующим их закрытием. Развернулась компания по массовому уничтожению священнослужителей якобы за контрреволюционную деятельность и сопротивление новой власти.

В своем послании Совнаркому от 26 октября 1918 г. Патриарх Тихон писал о произволе и жестокости власти по отношению к священнослужителям РПЦ: «Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной “контрреволюционности”...» [3, с. 75].

Можно представить ту силу ненависти к РПЦ тех большевистских начальников, по приказу которых с таким гестаповским садизмом уничтожались священнослужители РПЦ и прежде всего церковные иерархи. Тон в беспощадной борьбе с РПЦ, задавал Троцкий, но он пользовался безоговорочной поддержкой в этой борьбе со стороны Ленина. После известных событий в г. Шуе Иваново-Вознесенской губернии 13 марта 1922 г., свя-

занных с изъятием церковных ценностей, которые привели к кровопролитию, Ленин писал Молотову: «...Я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий» [3, с. 10].

Беспощадная борьба с религией, и прежде всего с РПЦ, велась вплоть до Великой Отечественной войны.

Важным этапом «потепления» отношений между РПЦ и советской властью была встреча И. В. Сталина и В. М. Молотова с руководством РПЦ в сентябре 1943 г., после которой положение РПЦ заметно изменилось в лучшую сторону и поддерживалось на этом уровне до смерти И. В. Сталина.

С приходом к власти Н. С. Хрущева репрессии против РПЦ возобновились, хотя и не в таких жестких формах как в 1920-е и 1930-е гг. Тем не менее почти наполовину сократилось количество православных храмов и священнослужителей, активизировалась идеологическая борьба с религией, особенно после XX съезда КПСС, который провозгласил программу построения в СССР коммунистического общества.

Положение РПЦ и других религиозных конфессий в России после падения коммунистического режима радикально изменилось. Государство отказалось от всяких репрессий в отношении церквей и верующих граждан и от вмешательства во внутренние дела религий.

Ведущее место на духовном поле России, естественно, заняла РПЦ. Сегодня несмотря на серьезные трудности РПЦ набирает силу и влияние на все стороны жизни российского общества и его консолидацию.

В настоящее время РПЦ на всей ее канонической территории (т. е. как в самой России, так и за рубежом) имеется около 29 тысяч приходов.

За внешней видимостью роста численности храмов, монастырей и церковных учебных заведений мы должны чувствовать

скрытую от глаза напряженную духовную работу. Надо учитывать, что более 60% населения России заявляют о своей православной ориентации в духовной сфере, до 85% молодежи крещены в Православной Церкви, многократно выросло количество венчаний при заключении браков, проходят акт крещения абсолютное большинство новорожденных и т. д. Хотя и не революционно, но начинают заполняться восстановленные и вновь выстроенные храмы, растет количество верующих православных людей. Православные мероприятия, проводимые РПЦ, собирают тысячи людей. Мы с полным основанием можем констатировать очевидный факт роста влияния РПЦ на российское общество не только в духовной, но и в нравственной, политической и социальной сферах.

Предпринятый нами историко-методологический анализ проблемы соотношения За-

кона Божественного и закона человеческого в связи с проблемой взаимодействия мирской и церковной властей убедил нас неоднозначности и сложности этого взаимодействия также в многообразии форм этого взаимодействия и в том, что там, где приоритет в нем отдавался Закону Божественному, там был успех, стабильность и порядок. Там же, где господствовал земной человеческий закон, неизбежно начинали возникать в обществе проблемы духовного и нравственного состояния, которые неизбежно порождали проблемы в других сферах жизни и вели в конечном итоге к глубоким кризисным явлениям, заканчивающимся гибелью данной общественной системы.

Эти исторические факты приводят к определенным методологическим выводам. Устойчивой и перспективной является та общественная система, в которой определяющими являются духовные факторы жизни, которая подчиняет законы человеческие духу Законов Божьих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадж У.* Египетская религия. Египетская магия. М., 1996.
2. Библия.
3. *Вострышев М.* Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. М., 1990.
4. *Гиро П.* Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995.
5. *Иларион.* Слово о Законе и Благодати. М., 1994.
6. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.

SPISOK LITERATURY

1. *Badzh U.* Yegipetskaya religiya. Yegipetskaya magiya. M., 1996.
2. Bibliya.
3. *Vostryshev M.* Bozhii izbrannik. Krestny put' svyatitelya Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi. M., 1990.
4. *Giro P.* Chastnaya i obshchestvennaya zhizn' rimlyan. SPb., 1995.
5. *Ilarion.* Slovo o Zakone i Blagodati. M., 1994.
6. *Tikhomirov L. A.* Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. SPb., 1992.